

Композиция «Слова о полку Игореве» при первом взгляде кажется очень сложной, а иногда и непоследовательной. Автор переходит от темы к теме, от одних действующих лиц своего повествования к другим, постоянно меняет место действия, перенося его от Игорева войска в Половецкой степи в Киев, а из Киева в различные русские земли, на некоторое время в Путивль, затем в Половецкую землю, оттуда вновь на Русь — в Киев. Так же быстро меняется и время действия — автор обращается от настоящего к прошлому и от прошлого к настоящему и к предчувствиям грозного будущего. Перед читателем проходит целая гамма ощущений: от тяжелых предчувствий и скорби автор переходит к патетике призыва; эта патетическая часть сменяется лирической и интимной, а все произведение в целом завершается радостным и торжественным финалом. В «Слове» — своеобразная музыкальная композиция, в которой каждая часть не только самостоятельна по теме, но и окрашена своим особым чувством; все части вместе гармонично слиты в единое и удивительно законченное произведение. В сущности, все темы в «Слове» подчинены одной общей теме и все чувства — одному главному чувству, но и те и другие искусно развернуты во времени, представлены в сложном развитии. Эта глав-

ная тема — тема родины, и это главное чувство — чувство любви к родине.

Стремление расширить тему родины потребовало от автора «Слова» обращения к ее настоящему и прошлому. Оно потребовало противопоставления русской земли враждебной ей Половецкой степи и сопровождения событий в Русской земле откликами среди чехов, угров, венецианцев, готов, литвы, ятвягов, деремелы и неких загадочных «хинов». Чувство любви к родине выражено в «Слове» также во всем многообразии ее оттенков: тут и тревога за ее судьбу, и тоска при расставании с ней ее войска, и горечь от поражения ее сынов, и горе от разорения ее половцами, и гордость ее прошлым и настоящим, и нежная ласка к ней в плаче Ярославны, и радость по поводу возвращения Игоря. Тема родины и чувство любви к ней последовательно раскрываются автором в связи с главным сюжетным стержнем всего произведения — походом Игоря Святославича 1185 г.

«Слово» начинается с раздумья автора над тем, как ему рассказать о горестных событиях Игорева похода. Он вспоминает старинного певца Бояна (XI в.). Боян был и создателем и исполнителем своих песен. Он сопровождал свои песни игрой на гусях. Автор «Слова» обращается к Бояну не случайно: он считает его своим предшественником. Это

¹ В этой главе вся цитация (выделенная отступами) дается по объяснительному переводу (см.: «Слова о полку Игореве». М.—Л., 1950 (Литературные памятники). Цитаты

подобраны в такой последовательности, что при чтении подряд они полностью воспроизводят весь текст объяснительного перевода памятника.

отчасти проливает свет на самый жанр «Слова» как произведения поэтического в первую очередь, а может быть, и песенного. Но автор «Слова» не только сопоставляет свое произведение с песнями Бояна, он, в известной мере, и противопоставляет его этим песням. Он отказывается начать свое повествование в старых выражениях, свойственных Бояну, и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени. Чтобы сделать понятным, почему он отказывается от обычных поэтических способов изложения, автор «Слова» наглядно характеризует искусную, но неприемлемую для него поэтическую манеру Бояна, которого он называет «вещим», т. е. кудесником, волшебником¹.

«Не пристало ли нам, братья, — говорит автор «Слова», — начать старыми выражениями горестное повествование о походе Игорево, Игоря Святославича? Нет, начать эту песнь надо, следуя за действительными событиями нашего времени («по былинам сего времени»), а не по (поэтическому) воображению Бояна. Ибо Боян, вещий, в честь кого хотел песнь сложить, то так и растекался мыслью по дереву, серым волком по земле, сизым орлом под облаками».

Определив в этих метких выражениях сущность поэтической манеры Бояна, парящего сизым орлом под облаками и витийственно стелющегося мыслью по дереву воображения, с быстротою волка переносящегося из одного географического пункта в другой, автор «Слова» переходит затем к характеристике содержания поэзии Бояна, целиком посвященной прославлению князей. В этих прославлениях Боян достиг такого мастерства, настолько искусил руку, что под пер-

Святой Елисей. Клеймо иконы «Богоматерь умиление» («Белозерская») из Спасо-Преображенского собора в Белозерске. XII — первая половина XIII в.

стами его струны как бы сами собой, без всяких усилий, в «старых словесах» пели славу князьям. Из числа князей, которым Боян пел свои «славы» (прославления), автор «Слова» упоминает Ярослава Мудрого, его брата Мстислава Владимировича Тмутороканского и Черниговского, победившего в единоборстве касожского (черкесского) князя Редедю в 1022 г. на глазах его войска, и прекрасного Романа Святославича — сына Святослава Ярославича, также бывшего одно время тмутороканским князем. Боян, следовательно, певец княжеский, имевший какое-то отношение к князьям далекой северочерноморской Тмуторокани,

¹ Ниже мы печатаем с отступами перевод «Слова о полку Игорево» с краткими пояснениями в скобках. Весь текст с отступами дает

полный объяснительный перевод «Слова» без каких-либо пропусков.

а как увидим в дальнейшем, к князьям киевским середины и второй половины XI в.

«Вспоминал он, — как говорил, — пишет о Бояне автор «Слова», — первоначальных времен войны, (и) тогда напускал десять соколов (пальцев) на стадо лебедей (струны): (и) который (из соколов) догонял какую (лебедь), та первая (и) пела песнь во славу старого Ярослава, храброго Мстислава, который зарезал Редедю перед полками касожскими, прекрасному Роману Святославичу. То, брата, Боян не десять соколов на стадо лебедей пускал, но свои волшебные пальцы на живые струны возлагал, они же сами собой князьям славу рокотали».

Охарактеризовав старую роскошную, но непригодную для себя поэтическую манеру Бояна, автор «Слова» определяет затем хронологические пределы своего повествования. Он собирается охватить события от Владимира Святославича, которого он называет «старым», в отличие от Владимира Мономаха «сына Всеволода», и до «нынешнего» Игоря Святославича Новгород-Северского, совершившего свой поход на половцев, подчинив свои мысли (свой «ум») своей храбрости («крепости»), т. е. в котором храбрость возобладала над разумным расчетом.

«Начнем же, брата, — пишет автор, — повествование это от старого Владимира до нынешнего Игоря, препоясавшего ум храбростью своею и поострившего сердце свое мужеством. Исполнившись ратного духа, навел он свои храбрые полки на землю Половецкую за землю Русскую».

Вступление к «Слову» нужно автору для того, чтобы приготовить читателя к восприятию последующего горестного

повествования. Обращаясь к поэту прошлого, автор «Слова» попутно вспоминает и события и людей этого прошлого. Противопоставляя свой рассказ песням Бояна, автор тем самым незаметно противопоставляет и печальные события настоящего величию прошлого. Выбор своей поэтической манеры позволяет автору «Слова» как бы невзначай подготовить читателя к скорбному настоящему: не о «славе» Игоря похода будет вестись им речь, а о печальных событиях, не в витийственной манере, а «по былинам сего времени». Автор «Слова» хочет сосредоточить свои мысли и свои чувства на походе Игоря и тем самым привлекает к нему внимание читателя, дает тон своему повествованию. Перед нами вступление, очень характерное для произведений, написанных с большой внутренней взволнованностью. Автору нужно какое-то время, чтобы совладать со своими чувствами и собраться с мыслями,

После этого автор «Слова» обращается к своему повествованию. Как бы противопоставляя его начало зачину песен Бояна, автор «Слова» вновь подчеркивает его скорбный и тревожный характер тем, что начинает свой рассказ с упоминания затмения — зловещего предзнаменования, вопреки которому Игорь решается идти в поход в поисках славы и чести. Он передает речи, сказанные Игорем своей дружине перед выступлением в поход. Эти речи воспроизводят сильный и энергичный дух древнерусского воинского ораторства. Игорь в своей речи употребляет обычные «дружинные» термины той поры: «сесть на коней» (означало выступить в поход), «преломить копье» (лично вступить в схватку в начале битвы; копье было тонким, легко ломалось и служило оружием первой схватки). Применяет Игорь и военную символику своего времени: «испить шлемом из какой-либо реки» означало одержать победу на этой реке. Его речь исполнена воинской решимости: победить

или умереть, сложить голову либо испить шлемом Дону.

«Тогда (в начале того похода) Игорь взглянул на светлое солнце и увидел (зловещее предзнаменование), что от него тьмою (затмения) все его воины покрыты. И сказал Игорь дружине своей: «Братья и дружина! Лучше ведь зарубленным быть (в битве), чем плененным (бесславно дома); так сядем (же), братья, на своих борзых коней (выступим в поход), да поглядим на синий Дон (в земле Половецкой). Склонился у князя ум (мысль) перед страстным желанием, и охота отвесть великого Дона (т. е. пойти с победою до Дона) заслонила ему (недоброе) предзнаменование: «Хочу ведь, — сказал (он), — сам копье преломить (сам хочу вступить в рукопашную схватку) на краю поля Половецкого; с вами, сыны русские, хочу (или) голову свою сложить или испить шлемом из Дона (т. е. победить половцев на Дону)».

Затмение солнца своим зловещим колоритом подчеркивает мужественность решения Игоря и определяет весь тон последующего повествования. Противопоставление решимости Игоря затмению дает действию завязку: воля Игоря как бы противопоставляется судьбе, воплощенной в природе; личное вступает в конфликт с природой, с окружающим.

Наметив тему своего повествования, определив его печальное и зловещее начало, автор «Слова» вновь вспоминает Бояна и делает предположение о том, как бы стал Боян воспевать поход Игоря Святославича. Боян — этот «соловей старого времени» — сделал бы это в привычных высокопарных выражениях, паря умом под облаками, скача по воображаемому дереву, соединяя воедино славу на-

Большой сиюн ризницы Софийского собора в Новгороде. Серебро, чеканка, гравировка, чернь. Середина XII в.

чальную со славой последней¹: славу первых русских князей со славой Игоря. Боян носился бы по божественным путям (по тропе Трояна) через поля и горы. Иными словами: Боян переносился бы божественным воображением на огромные расстояния, не зная препятствий своему вдохновению. И далее автор «Слова» дает конкретные примеры высокопарной манеры Бояна, которого он называет внуком бога Велеса, очевидно, считавшегося на Руси покровителем поэзии, а также, как мы знаем из других источников, покровителем торговли и скота. Образцы поэтического стиля Бояна,

¹ О толковании выражения «оба полы сего времени» см.: Лихачев Д. Из наблюдений

над лексикой «Слова о полку Игореве». — «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1949, № 6.

приводимые затем автором «Слова», — драгоценное свидетельство той «старой», приподнятой и торжественной поэзии, которую автор «Слова» считал для себя неприемлемой.

«О Боян, соловей старого времени! Вот бы уж ты эти походы (посоловьиному) воспел, скача, соловей, по воображаемому дереву, летая умом под облаками, соединяя славы обеих половин этого времени (времени повествования — «от старого Владимира до нынешнего Игоря»), рыща по тропе (языческого бога) Трояна через поля и горы. Пришлось бы внуку того (т. е. Бояну — внуку бога Велеса, о котором ниже, или самому автору «Слова» — поэтическому внуку Бояна) воспеть песнь в честь Игоря (в таких выражениях): «Не буря (русских) соколов занесла через поля широкие, а стада (половецких) галок (уже) бегут (спасаясь) к Дону великому». Или (так бы) начать петь (тебе), (о) вещий Боян, внук (бога) Велеса: «(Еще только) кони (вражеские) ржут за (пограничной со степью рекою) Сулою, а слава (победы) звенит (уже) в Киеве; трубы (еще только) трубят (созывая войска) в Новгороде (Северском), а стяги (полки) стоят (уже) в Путивле (на пути к Половецкой степи)!»

Противопоставив свое печальное повествование песням Бояна, автор «Слова» прямо вводит затем своих читателей в рассказ о сборах к походу: Игорь — князь Новгород-Северский ждет своего брата — трубчевского и курского князя Всеволода Святославича, которого он называет «Буй Туром Всеволодом». Решимость Игоря Святославича выступить в поход встречает одобрение Всеволода. Всеволод напоминает Игорю об их семейной, отцовской славе («оба мы Святославичи») и сообщает о готовности выступить всех его курских бойцов, извест-

ных как храбрых и опытных воинов. Характеризуя своих воинов, Всеволод подчеркивает в них прежде всего те боевые качества, которые были особенно важны в борьбе с быстрой и неуловимой степной конницей: им ведомы дороги в степи, они знают степные овраги, держат оружие на изготовке, чтобы не быть застигнутыми врасплох, и сами быстро, как серые волки, скачут, не дожидаясь нападения, в поисках встречи с врагом.

«(И вот) ждет Игорь милого брата Всеволода (чтобы идти с ним в поход). И сказал ему Буй Тур Всеволод (ободряя его): «Один (ты у меня) брат, один свет светлый — ты, Игорь! Оба мы — Святославичи (оба мы сыновья храброго Святослава Ольговича). Седлай, брат (мой) своих борзых коней, а мои-то готовы, оседланы у Курска раньше. А мои-то куряне знаменитые воины: под трубами пеленаты, под шлемами взлелеяны, концом копья вскормлены, пути им ведомы, овраги им знакомы, луки у них натянуты, колчаны отворены, сабли изострены; сами скачут, как серые волки в поле, ища себе чести, а князю — славы».

Может быть, отнюдь не случайно автор «Слова» рассказывает о сборах Игоря и Всеволода сразу после изображения браваурной манеры Бояна. Игорь и Всеволод в радужных красках представляли себе исход похода. Оба они стремились поискать чести и славы предков — тех самых князей, которые когда-то владели не одним Черниговским княжеством, но и далекой Тмутороканью. Об этих-то князьях и пел Боян, восхваляя славу их подвигов. О славе своих курян говорит Всеволод, брат Игоря, как бы вторя Бояну,

После встречи с Всеволодом Игорь выступает в поход, несмотря на все злое предзнаменования. Солнце заступало ему путь тьмою. Ночь разбудила

грозою птиц. Поднялся свист сусликов. Божество восточных народов — див — стремится криком с вершины дерева предупредить жителей своих стран о походе Игоря, в особенности Тмуторокани, куда направлялся Игорь: див кличет идолу тмутороканскому. Языческие божества как бы объединились против Руси. И вот, предупрежденные о походе Игоря, мчатся ему навстречу, к Дону, из глубины приазовских степей половцы. Но Игорь непреклонно продолжает вести вперед свои войска.

«Тогда вступил Игорь в золотое стремя (т. е. выступил в поход) и поехал по чистому полю. Солнце ему тьмою (затмения) путь заграждало (предвещая опасность); ночь, стонущи ему грозою, птиц пробудила (как бы стремясь предупредить его); (зловещий) свист звериный встал (свист сусликов); взбился див, кличет на вершине дерева, велит прислушаться земле неизвестной (т. е. Половецкой степи), Волге, и Поморию, и Посулию (пограничной с Русью земли по реке Суле), и Сурожу (в Крыму), и Корсуню и тебе, Тмутороканский идол! И (вот) половцы непроложенными (т. е. заранее, как обычно перед походами, «непротеребленными») дорогами побежали к Дону великому (навстречу войску Игоря); кричат телеги (их) в полночь, словно лебеди распущенные. (А) Игорь ведет к Дону воинов (несмотря на все дурные предвестия)!»

Автор рисует тревожную картину, как хищные звери и птицы следуют в походе за войском Игоря в ожидании человеческой добычи, и прерывает себя скорбным восклицанием.

«Ведь уже несчастий его (поражения Игоря) подстерегают птицы по дубам (т. е. ждут добычи на поле битвы), волки (воем) грозу подыма-

ют по оврагам; орлы клетком на кости зверей зовут (предвкушая добычу); лисицы брешут на красные щиты (русских). О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом!»

Все бесповоротнее, следовательно, надвигающееся поражение! Томительно долго спускается ночь. Вечер, ночь, утро последовательно описываются как бы для того, чтобы подчеркнуть мучительную длительность бессонной ночи накануне битвы.

«Долго наступает ночь. (Вечерняя) заря свет уронила (свет зари погас). (Вот и) мгла поля покрыла. (Наконец и) щекот соловьиный уснул; (утренний) говор галок пробудился. Русские сыны (на утро) великие поля красными щитами перегородили (построившись для наступления с плотно составленными стеной щитами), ища себе чести, а князю — славы».

Войско Игоря рассеивает передовые отряды половцев. Автор «Слова» в описании этой первой стычки употребляет обычный боевой термин той поры — «потопташа», что означает: «разбили боевой порядок неприятеля». Богатая добыча досталась войску Игоря. Она была так велика, что покрывалами, плащами и дорогими шубами («кожухами») русские замащивали еще по-весеннему топкие степные дороги. Но сам Игорь взял себе из добычи только боевые знаки врагов: Игорь как бы следует заветам князя Святослава, который принял от греков только оружие, но даже не взглянул на принесенное ему золото.

«(То было) спозаранок в пятницу потоптали они (воины Игоря) поганные полки половецкие (т. е. рассеяли боевой порядок половецких полков) и рассыпались по полю (за добычей), помчали красных девушек половецких, а с ними золото, и паволоки, и

Серебряный кратир.
Серебро, чеканка, гра-
вировка. Вторая поло-
вина XII в.

дорогие аксамиты. (Добыча их была так велика, что) покрывалами, плащами и кожухами стали (они) мосты мостить (делать гати) через болота и топкие места, и всякими драгоценностями половецкими. (Боевые же знаки) красный стяг, белая хоругвь, красная челка, серебряное древко (достались) храброму (Игорю) Святославичу».

Снова ночуют в поле храбрые князья ольговичи. Автор называет их «гнездом», т. е. выводком, семьей, подчеркивая их родственную близость, сближая их перед лицом новой опасности и тем самым оттеняя трагичность их положения. На этот раз утомленные в битве князья спят, не подозревая о новой, еще большей опасности для себя. Автор лирически размышляет о судьбе русских воинов. Под покровом ночи главные силы половцев под предводительством ханов Гзак и Кончак спешно двигаются навстречу Игорю к Дону.

«(И вот) дремлет в поле храбрый выводок ольговичей. Далек залетел!

Не был он в обиду порожден ни соколу, ни кречету, ни тебе, черный ворон, поганый половец! (А между тем) Гзак бежит серым волком, а Кончак (вперед) ему след правит (т. е. указывает путь следом своего войска) к Дону великому».

Тяжкие предчувствия автора усиливаются. Автор как бы хочет предупредить Игоря о грозящей ему опасности, остановить его на роковом пути. Реальный пейзаж грозного утра сливается с символической картиной движения главных половецких сил со стороны Азовского моря.

«На другой день совсем рано кровавые зори свет возвещают; черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца (четырех князей — Игоря, Всеволода, Олега и Святослава), а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому (быть грому сражения!). Пойти дождю стрелами со стороны Дона великого! Тут копьям изломиться (в рукопашных схватках в начале битвы), тут саблям по-

биться о шлемы половецкие, на реке Каяле, у Дона великого. О Русская земля! Уже ты за (пограничным) холмом (все неизбежнее, следовательно, гибель!)».

Изображение надвигающейся грозы (поднявшийся ветер, отдаленный гул, пыль, стяги, развевающиеся по ветру, и замутившиеся реки) сливается с изображением наступления войска половцев. Автор все время приковывает внимание читателя к постепенно приближающемуся войску половцев, заставляет читателя пережить неуклонность этого движения прямо на него и только в последний момент обращается вновь к русскому войску, отметив твердо занятую им оборонительную позицию,

«Вот ветры, внуки Стрибога (бога ветров), (уже) веют со стороны моря (с половецкой стороны) стрелами на храбрые полки Игоревы (битва началась перестрелкой из луков). Земля гудит (под копытами конницы, пошедшей в бой), реки мутно текут (взмученные ногами коней, переходящих их вброд), пыль поля покрывает (от движения множества половецкого войска), стяги (половецкие своим движением) говорят (свидетельствуют): половцы идут от Дона (с востока) и от моря (с юга) и со всех сторон русские полки обступили. Дети бесови кликом поля перегородили, а храбрые сыны русские перегородили (поля) красными щитами (в сомкнутом строю, с плотно составленными щитами приготовившись к отражению натиска)».

Самую битву Игорева войска с половцами, длившуюся целых три дня, автор в дальнейшем не описывает. Он как бы не может о ней говорить. Он предается лирическому раздумью, то углубляясь в историю, то обращаясь к настоящему, сетуя о судьбе того или иного из своих героев, или горько сожалеет о

печальных исторических судьбах всей Русской земли в целом. Первый, к кому он обращается, — брат Игоря Всеволод Буй Тур. Автор описывает подвиги Всеволода — в пылу битвы Всеволод не чувствует на себе ран. Здесь похвала Всеволоду, выдержанная вначале в традициях обычного песенного славословия, может быть свойственного Бояну («Куда, тур, поскачешь, — там лежат поганые головы половецкие» и др.), незаметно переходит в укор Всеволоду. Всеволод забыл феодальную честь: он не выполнил своих феодальных обязательств по отношению к старейшему в роде — Святославу Киевскому, отправился в поход без его разрешения. Всеволод забыл и свою «жизнь», т. е. богатства, хозяйство, благосостояние своего княжества, пренебрег его интересами («жизнь» в древнерусском языке одним из значений имела «богатство», «достаток»). Всеволод забыл об интересах и отцовского княжеского стола в Чернигове, легкомысленно подвергнув его опасности. Наконец, Всеволод забыл о своей жене — милой и любимой «красной» Глебовне. Это последнее упоминание не случайно. Битвы в «Слове» неоднократно противопоставляются мирным картинам: то мирной жатве, то мирному ремесленному труду, то пиру как апофеозу мирного труда. Этим подчеркивается ужас и бессмысленность феодальных войн, разрушительность половецких нашествий. Образы жен русских князей («красной» Глебовны и Ярославны) служат тем же целям. Жены — это мирное начало, постоянно противопоставляемое в «Слове» войне.

«Ярый тур Всеволод! — обращается к нему автор «Слова». — Ты стоишь в обороне, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда (ты), тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, — там лежат поганые головы

Золотые ворота во Владимире. XII в.

половецкие! Рассечены саблями калеными шлемы аварские тобою, ярый тур Всеволод! Какие раны дороги, братья, тому, кто забыл честь и достоинство (своего княжества), и отцовский золотой стол города Чернигова, и своей милой-желанной прекрасной (Ольги) Глебовны (жены Всеволода, дочери Глеба Юрьевича Переяславского) свичаи и обычаи (привычки и обычаи: «любовь и ласку»).

От размышлений о Всеволоде автор обращается к размышлениям по поводу всего «гнезда» ольговичей. Их политика напоминает ему политику родоначальника — Олега Святославича. Олег — обобщенный образ всех князей ольговичей, и именно поэтому автор «Слова» о нем говорит так подробно. Олег своими междоусобными войнами положил начало разъединению Русской земли. Его походы пришли на смену векам язычества и

временам Ярослава Мудрого и его сыновей. Походы Олега предвидел Ярослав Мудрый, призывавший (в своем завещании) русских князей к единению; походы его были невыносимы для его современника — Владимира Мономаха. Свой меч Олег употребил не на дело, а на ковку крамолы. Он заседал Русскую землю стрелами. Его битвы были равно губительны для обеих сторон. В затеянной Олегом битве на Нежатиной Ниве погиб и его сторонник Борис Вячеславич, и его противник Изяслав Ярославич. Картина опустошения Русской земли при Олеге Святославиче подчеркивается изображением опустелых пашен.

«Были века Трояна (века языческого бога Трояна), минули годы Ярославовы (Ярослава Мудрого и его сыновей — Ярославичей); были (и) походы Олеговы, Олега Святославича! Тот ведь Олег мечом крамолу ковал и стрелы по земле сеял. (Только что) ступает (он) в золотое стремя (выступая в междоусобный поход) в городе Тмуторокане, как его (звон стремени, звон выступления в поход) слышал (предугадывал) давний (к тому времени умерший) великий Ярослав (Мудрый; в своем завещании призывавший к миру между князьями), а сын Всеволода Владимир (Мономах, современник Олега и также активный противник усобиц) каждое утро уши (себе) закладывал в Чернигове (где Мономах княжил). (Настолько невыносимы были для него эти усобицы Олега!) Храброго же и молодого князя Бориса Вячеславича похвальба (перед битвой, на Нежатиной Ниве в 1078 г.) привела на су. божий — и на (поле) Канину (около Чернигова) постлала ему зеленое, (травяное на поле битвы) по ревальное покрывало за обиду (за поруганную честь) Олега (Святославича). С такой же (зло-

счастной, начавшейся по вине Олега Святославича) Каялы (т. е. битвы на Нежатиной Ниве, сравниваемой здесь с битвой на Каяле Игоря Святославича) Святополк (Изяславич) повелел привезти отца своего (Изяслава Ярославича) между венгерскими иноходцами (как обычно перевозили раненых и убитых) к (храму) святой Софии в Киеве. Тогда, при Олеге Гориславиче, засеивалось и прорастало усобицами достояние Дажьбожьего внука (т. е. русского народа); в княжеских крамолах сокращались жизни людские. Тогда по Русской земле редко пахари покрикивали (на лошадей, распахивая землю), но часто вороны граяли, трупы между собой деля, а галки свою речь говорили, собираясь полететь на добычу».

От «Каялы» Олега автор «Слова» обращается к Каяле его потомков — ольговичей. Автор подчеркивает жестокость битвы Игоревых войска и снова противопоставляет битву земледельческому труду, войну — миру.)

«То было в те (давние) рати и в те походы, а такой рати (как эта, Игоря Святославича) еще не слышно! С раннего утра до вечера, с вечера до рассвета летят стрелы каленые, гремят сабли о шлемы, трещат копья булатные в поле незнаемом, среди земли Половецкой. Черная земля под копытами костями (павших людей) была засеяна, а кровью полита: горем взошли (они) по (всей) Русской земле».

От этого косвенного намека на поражение Игоря автор переходит к прямому рассказу о нем. Но он не сразу решает сообщить об этом. В горе он как бы не может осознать значения того, что он слышит издалека. Конец главы он сравнивает с пиром, столь типичным для конца земледельческих работ в крестьянском быту.

Кровь он сравнивает с вином, а половцев прямо называет сватами. Перед нами обычный в народной поэзии образ: смерть — это свадьба. Однако, кроме того, предводитель половцев хан Кончак был действительно сватом Игоря — его дочь была помолвлена за сына Игоря, Владимира. И в этом назывании врагов русских сватами ясно чувствуется осуждение автором «Слова» родственных союзов русских князей с половецкими ханами)

(Напоив «сватов» своею кровью, храбрые русичи полегли за землю Русскую. Сама природа сочувствует поражению русских.

«Что мне шумит (что за шум до меня доносится), что мне звенит (что за звон мне слышится) из далека (с поля далекой битвы) рано (утром) перед зорями? (То) Игорь (Святославич) возвращает (бегущие) полки (черниговских ковуев), ибо жаль ему милого брата (Буй Тура) Всеволода (командовавшего этими ковуями). Бились (ведь они) день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы (Игоревое войско потерпело поражение). Тут два брата (Игорь и Всеволод) разлучились (захваченные в плен и доставшиеся разным ханам) на берегу быстрой Каялы; тут кровавого вина не достало, тут пир (битву) окончили храбрые сыны русские: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а дерево с горем к земле приклонилось».

Далее автор переходит к последствиям поражения Игоря для всей Русской земли. Об этих последствиях он говорит, обрисовывая все современное ему положение Руси: прошли для Руси времена обилия, князья вступают в споры между собой, принимая за великое всякую малость. Искажая обычную формулу договоров между князьями: «се мое, а то

твое», они требуют для себя и того, что им не принадлежит: «се мое, а то мое же». Прекратились и походы русских князей на половцев. Сами половцы напали на Русскую землю со всех сторон.

«Уже ведь, братья, невеселое время настало, уже пустыня (нежилое пространство — степь) войско прикрыло (трупы убитых поросли травой). Встала обида в (этих polegших) войсках Дажьбожа внука (т. е. среди русских), вступила девою на землю Трояню (на землю русского языческого бога Трояна, т. е. на Русь), всплескала лебедиными крылами на синем море у Дона; плеская, прогнала времена обилия. Борьба князей против поганых прекратилась, ибо сказал брат брату (князь князю): «Это мое и то (тоже) мое». И стали князья про (всякую) малость «это великое» говорить, и сами (тем самым) на себя крамолу ковать. А поганые (пользуясь этим) со всех сторон приходили с победами на землю Русскую».

Автор «Слова» оплакивает гибель храброго Игоря полка. Он описывает плач по павшим в Русской земле и упоминает Карну и Желю, — по-видимому, русских языческих погребальных богов («Карна» — от «карить» — оплакивать и «Желя» — от «желая» — плач по умершим). Плач русских жен выдержан в традициях русских народных плачей.

«О! (увы!) слишком далеко залетел сокол (Игорь), птиц (половцев) избивая, — к морю! Игоря храброго полка не воскресить (случившегося не воротишь)! По нем (по погибшему полку Игоря) кликнула (заплакала погребальным плачем) Карна, и Желя (обе — погребальные боги) поскакала по Русской земле, размыкивая огонь в пламенном (погребальном) роге. Жены русские восплакались, приговаривая: «Уже нам своих

милых любимых ни мыслию не смыслить, ни думою не сдумать, ни глазами не повидать, а золота и серебра (и в руках своих) совсем не подержать».

Снова обращается автор к волнующей его теме — к современному ему положению Руси. Описание последствий поражения Игоря снова сливается им с общей характеристикой княжеских крамол: поражение Игоря для автора неотделимо от общего состояния раздираемой усобицами Руси. После поражения Игоря Черниговская земля подверглась нападению половцев и застонала от «напастей». Хотя Киевская земля не подверглась непосредственному нападению половцев, но и Киев как центр Руси, тесно с ней связанный, застонал от горя. Князья были заняты крамолами, и половцы собирали дань с русских, как в старые времена, «по белке от двора». Утверждая это, автор «Слова» явно преувеличивает. Половцы не собирали систематически дани с русского населения, ограничиваясь грабежом, уводом пленных и взиманием выкупов. Однако автор «Слова» хочет подчеркнуть своей гиперболой угрозу независимости Руси. Согласно «Повести временных лет», русские когда-то платили дань хозарам и варягам «по беле (белке) от двора», но прошло время — и русские теперь уже сами собирают дань с других народов. Автор «Слова» хочет рассказать, что это положение Руси вновь переменилось, и русские близки к утере своей независимости. Вот почему он вспоминает старую летописную формулу: «по белке от двора», за которой не могло уже крыться реального содержания, так как сборы дани скорее всего должны были во второй половине XII в. совершаться деньгами, а не мехом.

«И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей. Тоска разлилась по Русской земле; печаль

обильная пошла посреди земли Русской. А князья сами на себя крамолу ковали, а поганые (половцы), с победами нарыскивая на Русскую землю, сами брали дань по белке от двора».

От описания последствий поражения Игоря автор обращается к объяснению причин, по которым поражение Игоря оказалось столь тяжелым для всей Русской земли: Игорь и Всеволод своим своевольным и неудачным походом уничтожили плодотворные результаты предшествующего (в 1184 г.) победоносного похода на половцев объединенных русских сил под предводительством Святослава Киевского. Игорь и Всеволод пробудили «коварство» половцев, позволив им и на этот раз нарушить мир. Их непослушание своему «отцу», т. е. феодальному главе, двоюродному брату Святославу Киевскому, автор называет «котброю», т. е. раздором, смутою. Святослав победил Половецкую землю и самого предводителя половцев хана Кобяка взял в плен и заключил у себя в Киеве в «гриднице» — в большой пиршественной зале, которую в XII в., с оскудением средств, князья часто использовали как место для заключения пленных, особенно если их было много. Вот почему немцы и венецианцы, греки и чехи поют славу Святославу и укоряют Игоря. Игорь из князя превратился в раба: пересел из золотого княжеского седла в седло рабское. Унылыми стали у городов «забралы», т. е. переходы по верху городских стен, куда обычно высыпал народ, встречая и провожая войско, откуда «плакали» (причитали) по павшим вдали. Поникло городское веселие.

Вот как говорит обо все этом сам автор:

«Ибо (потому это все произошло, что) те два храбрых Святославича, Игорь и Всеволод, уже пробудили коварство (половцев), которое усыпил было отец их (их глава) Свято-

Успенский собор во Владимире. XII в.

слав (Всеволодович) грозный великий киевский грозою (страхом, который на них нагнал): прибил (половцев) своими сильными полками и булатными мечами, наступил на землю Половецкую (в своем предшествующем походе), притоптал холмы и овраги (половецкие), возмутил реки и озера (переходя их вброд), иссушил потоки и болота («мосты мостя» по «грязивым местам» — прокладывая дорогу своему огромному войску). А (самого) поганого (хана) Кобяка от лукоморья (у Азовского моря) из железных великих полков половецких, как вихрь, исторг (захватил в плен) — и упал Кобяк в городе Киеве в Святославовой гриднице (заключенный в ней). Тут-то немцы и венецианцы, тут-то греки и чехи поют славу Святославу, укоряют князя Игоря, потопившего богатство на дне Каялы, реки половецкой, русского насыпавшего золота (на дно Каялы; ведь для Руси прошли време-

на обилия после поражения Игоря). Тут-то Игорь князь пересел из седла золотого (княжеского) в седло рабское (стал из князя рабом-пленником). Уныли у городов забрали, и веселье (городское) поникло».

Далее автор «Слова» обращается к тому, как сам Святослав узнал о поражении Игоря и Всеволода и как на него откликнулся. В неясном сне томят Святослава смутные предчувствия. Во сне его одевают в погребальные одежды, сыплют ему на грудь жемчуг — символ слез. Видит он во сне и свой терем златоверхий без князька, что являлось приметой несчастья, которое должно постигнуть хозяина дома¹. Всю эту беспокойную ночь каркали вороны под Киевом в предградье у Плесньска, и понеслись эти вороны к синему морю — туда, к месту поражения Игоря.

«А Святослав мутный (непонятный, неясный для него) сон видел в Киеве на горах (где он жил). «В эту ночь, с вечера одевали меня, — сказал (он), — черным погребальным покрывалом на кровати тисовой; черпали мне синее вино, с горем смешанное; сыпали мне пустыми (опорожненными от стрел) колчанами поганых (языческих) иноземцев крупный жемчуг (символ слез) на груди и нежили меня. Уже доски без князька в моем тереме златоверхом (как при покойнике в доме). Всю ночь с вечера серые вороны граяли (предвещая несчастье) у Плесньска (под Киевом), в предградье стояла дебрь Кияня (Киянь была речка под Киевом), и понеслись (вороны) к синему морю (на юг, «к местам печальных событий»)».

Бояре объясняют Святославу Всеволодовичу значение его сна, рассказывая ему о походе Игоря и Всеволода. Они

говорят о цели похода Игоря и Всеволода, как бы передавая их слова, сказанные перед походом войску, и сообщают о поражении. Свое объяснение бояре облачают в образы излюбленной в Древней Руси соколиной охоты.

«И сказали бояре князю: «Уже, князь, горе ум (твой) полонило; ведь вот два сокола (Игорь и Всеволод) слетели с отцова престола золотого (как слетают сокола со своей «колодки»), чтобы добыть город Тмуторокань или испить шлемом из Дону (одержать на Дону победу). Уже (этим двум соколам) крыльица подсекли саблями поганых, а самих опутали в путины (надевающиеся на ноги соколам, чтобы они не улетели) железные (заковали в кандалы)».

С новой силой возникает тема поражения Игоря. Перенесясь мысленно в Киев к Святославу, в центр Русской земли, автор «Слова» видит отсюда широкие последствия поражения Игоря: тьма прикрыла свет, все восточные народы радуются поражению Игоря, девы готов, живших в Крыму и около Тмуторокани, куда направлялись походом Игорь и Всеволод, звонят русским золотом, доставшимся им от половцев; они воспевают время, когда восточнославянский (антский) князь Боз в 375 г. потерпел страшное поражение и был убит готским королем Винитаром, и лелеют месть за деда хана Кончака — Шарукана, разбитого Мономахом в 1107 г.

За Шарукана не мог отомстить русским ни его сын хан Отрок, загнанный Мономахом на Кавказ, в Абхазию, ни до этой поры его внук — сам Кончак. Только поражение Игоря «открыло ему ворота на Русскую землю». Так радуются все враги Руси. Только дружина князя лишена веселья;

¹ См.: Алексеев М. П. К «сну Святослава» в «Слове о полку Игореве». — В сб.: «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Ад-

риановой-Перетц. Сер. «Литературные памятники». М.—Л., 1950, с. 226—248.

«Ибо (потому так толковали сон бояре, что) темно было в третий день (битвы Игоря с половцами): два солнца (Игорь и Всеволод) померкли, оба багряные снопа (лучей) погасли, и с ними (погасли) два молодых месяца — Олег и Святослав (сыновья Игоря Святославича), — тьмою заволоклись и в море погрузились, и великую смелость возбудили (своим поражением) в Хинове (в каких-то восточных, неясно себе представляемых народах). На реке Каяле (в месте поражения Игоря) тьма свет покрыла (темные силы одолели светлые); по Русской земле простерлись половцы, как выводок гепардов. Уже спустился позор на славу (позор поражения заслонил собою былую славу); уже ударило насилие (половецкое) на свободу (русских); уже бросился див (божество восточных народов) на землю (Русскую). И вот готские красные девы запели на берегу синего моря: звоня русским золотом, воспевают (они) время Боза (потерпевшего поражение от готов), лелеют месть за Шарукана (деда хана Кончака, разбитого Мономахом). И мы уже, дружина, без веселия (остались)».

Узнав о поражении Игоря, Святослав произносит «золотое слово». Он упрекает Игоря и Всеволода в самонадеянности и в нарушении феодального послушания. Игорь и Всеволод не только вышли из послушания Святославу, но и из послушания своему непосредственному главе — могучему и богатому Ярославу Черниговскому. Игорь и Всеволод одни, без чьей-либо помощи, захотели похитить славу его, Святослава, похода на половцев и поделить между собой будущую славу своих собственных побед. «А разве удивительно было то, что я помолодел и разбил половцев? — Обращается Святослав к Игорю и Всеволо-

ду. — Пример тому — перелинявший (т. е. взрослый) сокол, защищающий свое гнездо. Единственная моя беда: отсутствие помощи от других князей. Худые настали времена». Святослав указывает на первое последствие поражения Игоря и Всеволода — нападение половцев на Переяславль Южный и ранение переяславского князя Владимира Глебовича.

«Тогда великий Святослав (Всеволод Киевский) изронил золотое слово, со слезами смешанное, и сказал: «О мои дети (мои младшие князья), Игорь и Всеволод! Рано начали вы (слишком вы поторопились) Половецкой земле досаждать мечами, а себе славы искать, но одолели (вы половцев) без чести (для себя), без чести ведь кровь поганую пролили. Ваши храбрые сердца из крепкого булата выкованы и в смелости закалены. Что же сотворили (вы) моей серебряной седине? Не вижу я уже (также) у власти (не вижу власти над вами) сильного, и богатого, и обильного воинами брата моего Ярослава (Всеволодовича Черниговского) с черниговскими боярами, с воеводами, и с татранами, и с шельбирами, и с топчаками, и с ревугами (т. е. со всеми черниговскими ордами ковуев — крещеных и союзных русским тюркских племен). Те ведь без щитов, с одними засапожными ножами, кликом полки побеждают, звоня в прадедовскую славу (побеждают, наводя ужас только боевым кликом и своей славой храбрых воинов, перешедшей от прадедов). Но вы сказали: «Помужаемся сами (сами проявим мужество, не прибегая ни к чьей помощи, в том числе и Ярослава Черниговского — своего ближайшего феодального главы), прошлую славу (славу предшествующего похода Святослава Киевского) сами похитим (присвоим себе славу замирителей

степи, принадлежащую мне — Святославу Киевскому), а будущую славу (славу своего собственного похода) сами поделим (только между собой, не привлекая других князей к походу)!» А разве дивно, братья, (мне) старому помолодеть (разве удивительно, что я перед тем победил половцев — в том походе, славу которого вы хотели похитить)? — Когда сокол перелинял, высоко (он) птиц взбивает; не даст гнезда своего в обиду. (Следовательно, я-то силен, хоть и стар, защищаю свое гнездо), но вот зло — князья мне не в помощь (нет помощи мне от князей): худо времена обернулись. И вот в (городе) Римове кричат под саблями половецкими, а Владимир (Глебович Переяславский) под ранами (полученными им при обороне Переяславля в 1185 г.). Горе и тоска сыну Глебову (Владимиру Глебовичу Переяславскому)!»

На этом заканчивается «золотое слово» Святослава. Далее автор присоединяет свой голос к голосу Святослава. Он зовет поочередно всех русских князей вместе стать на защиту Русской земли. Обращаясь к ним, автор «Слова о полку Игореве» оценивает их политическое положение и военные силы, их дружины, давая как бы обзор политического состояния всей Руси.

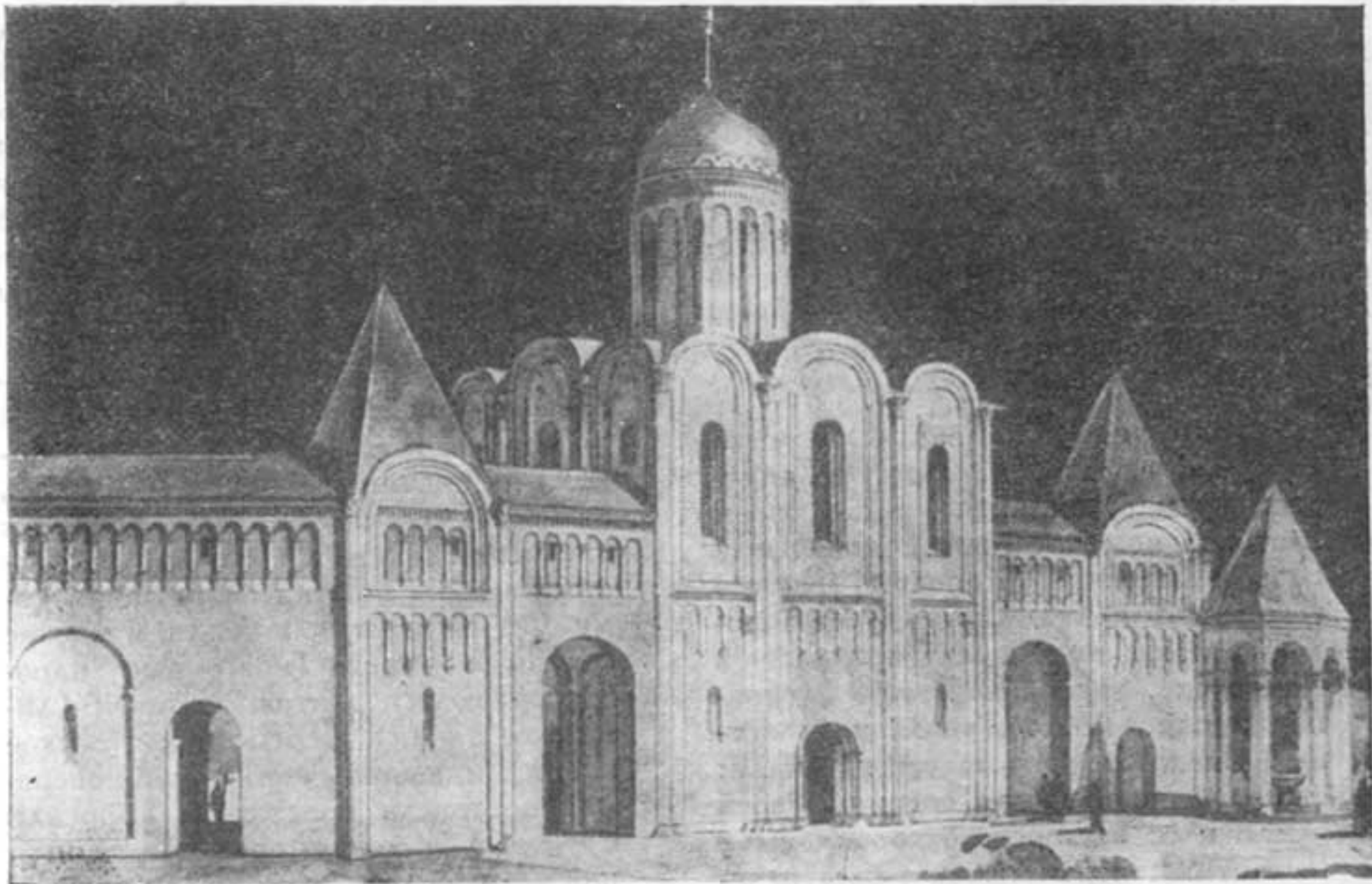
Прежде всего автор «Слова» обращается к сильнейшему князю Руси — Всеволоду Юрьевичу Владимиро-Суздальскому, сыну Юрия Долгорукого. Он со скорбью замечает, что Всеволод замкнулся в политических интересах только своего княжества, что он не блюдет Киев, где княжил перед тем его отец Юрий. Автор «Слова» отмечает силу и могущество Всеволода, многочисленность его войска, его победы над волжскими болгарами и подчиненность ему князей рязанских.

Автор «Слова» употребляет военный символ своего времени — «испить воды» реки — как знак завоевания земель по этой реке. Он развивает этот военный символ и, подчеркивая могущество Всеволода, отмечает, что он может не только «испить» из Волги, но и расплескать всю ее воду, а Дон его воины могут «вычерпать». Иными словами: воды не хватит ни в Волге, ни в Доне, чтобы торжествовать победу войску Всеволода. Южных подручных князей рязанских автор сравнивает с «копьями» Всеволода — оружием первой схватки в бою. Рязанские князья — его передовой отряд против половцев.

Вот, следовательно, как могуч Всеволод, и ему ли не выступить со всеми русскими князьями против половцев!

«Великий князь Всеволод (Юрьевич Владимиро-Суздальский)! (Неужели) и мысленно тебе не перелететь издалека, поблюсти отцов золотой престол (киевский престол, на котором когда-то сидел Юрий Долгорукий)? Ты ведь можешь Волгу веслами расплескать (тебе ничего не стоит завоевать всю Волгу; столько у тебя воинов), а Дон шлемами вычерпать (ты не только можешь испить из Дону воды, т. е. завоевать земли по Дону, но ты можешь вычерпать его весь, — не «испить», а выпить). Если бы ты (только) был (здесь, на юге), то была бы (продавалась бы) невольница (половецкая) по ногате (по мелкой «разменной» монете), а раб (половчин) — по резани (по еще более мелкой монете), — так велики были бы последствия твоего пребывания на юге. Ты ведь можешь посуху живыми копьями метать — удалыми сыновьями Глебовыми (князьями рязанскими — сыновьями Глеба Ростиславича)».

Обращаясь затем с призывом к Рюрику и Давыду Ростиславичам, провед-

Замок Андрея Боголюбского. 1158—1165 г. Реконструкция Н. Н. Воронина.

шим бурную жизнь в постоянных походах, автор «Слова» отмечает лишь их храбрую, закаленную в боях дружину. Рюрик Ростиславич делил со Святославом власть над центром Русской земли — Киевом. Ему принадлежали города вокруг Киева, и он был постоянным союзником Святослава в борьбе против половцев. Вот почему, обращаясь к Рюрику, автор «Слова» призывает его не только встать на защиту Русской земли, но и отомстить за поражение Игоря Святославича. Поражение Игоря, подручного князя Святослава и Рюрика, было жестоким уроном для княжеской чести Рюрика.

«Ты, буй Рюрик и Давыд! не у вас ли войны золочеными шлемами по крови плавали (не вам ли отомстить за своих воинов)? Не у вас

ли храбрая дружина рыкуют, как туры, раненные саблями калеными на поле неизвестном (в земле Половецкой: не ваша ли дружина рвется в бой отомстить за свои раны)? Вступите (же), господа, в золотые стремяна (выступите в поход) за обиду сего времени (за поражение Игоря), за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!»

В Ярославле Владимировиче Галицком автор «Слова» подчеркивает его силу и богатство. Со своего престола в высоком, расположенном на горе, Галицком кремле Ярослав управляет всей своей землей: рядит суд и оберегает границы своей земли, простертые до Дуная и Карпат — на юг и на запад. Он посылает свои войска в помощь крестоносцам против султана Саладина. Тем более есть у него

основания послать войска (не «всесть на конь», а «стрелять» — только посылая войско) в защиту Русской земли. Так же как и в обращении к Рюрику, автор «Слова» призывает Ярослава отомстить за раны Игоря. У Ярослава были основания мстить за малозначительного новгород-северского князя: Игорь приходился Ярославу зятем, был женат на дочери Ярослава (Ярославне в «Слове о полку Игореве»).

«Галицкий (князь) Осмомысл Ярослав! высоко (на горе в Галицком кремле) сидишь ты на своем златокованом престоле, подпер (ты) горы венгерские (Карпаты) своими железными полками, загородив королю (венгерскому) путь (проходы в Карпатах), затворив Дунаю (странам и народам по Дунаю, подвластным Византии) ворота (своей земли; т. е. крепко оберегая границы своей земли и от венгерского короля, и от Византии), переметывая тяжести через облака (Ярослав обычно посылал войска далеко за пределы своего княжества, не сопровождая их сам), суды рядя до Дуная (верша суд, управляя землями до самого Дуная). Грозы твои по странам текут (страны боятся тебя), (ты) отворяешь Киеву ворота (покоряя Киев), стреляешь с отцова золотого стола (с престола, доставшегося тебе по наследству от отца, а не захваченного или наследованного по старшинству среди князей) салтанов за землями (сидя на своем наследственном престоле, ты посылаешь войска против салтана Саладина в Палестину). (Так) стреляй (же), господин, в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославища!»

Вслед затем автор «Слова» обращается к Роману Мстиславичу и к Мстиславу — по-видимому Мстиславу Всево-

лодовичу Городенскому или Мстиславу Ярославичу Пересопницкому. Роман ходил с победами на восточные народы (хинов), на литву, ятвягов (литовское племя), деремелу (литовское племя) и половцев. Его войска имели частично западноевропейское вооружение («суть бо у ваю железныи паперси подъ шеломи латиньскими»).

«А ты, буйный Роман и Мстислав! храбрая мысль влечет ваш ум на подвиг. Высоко паришь (ты, Роман) на подвиг в отваге, точно сокол, на ветрах паря, собираясь птицу в смелости одолеть. Есть ведь у вас железные латы под шлемами латинскими. От них дрогнула земля, и многие страны — Хинова (восточные народы, монголы), Литва, Ятвяги (литовское племя), Деремела (литовское племя), и половцы копья свои повергли (потерпели поражение, «бросили оружие»), а головы свои подклонили под те мечи булатные (были перебиты мечами)».

Обращение к Роману и Мстиславу перебивается новым наплывом горя от поражения Игоря. Победы Романа и Мстислава, вселившие в поэта уверенность в возможность новой победы над половцами, вызывают в нем вместе с тем горькое чувство невозвратимости утраты: храбрых воинов Игоря не воскресить! Жалея воинов Игоря и русские города по пограничным рекам — Роси и Суле, — автор «Слова» еще раз упрекает Игоря и Всеволода за их самонадеянность. Он иронически противопоставляет расторопность ольговичей Игоря и Всеволода, «поспевших» в своем походе 1185 г. на брань, приведшую их к поражению, их медлительности в предшествующем, 1184 году, когда они не успели принять участие в общем походе русских князей против половцев под предводительством Святослава Киевского. Тогда-то была победа, а теперь, поделив славу побе-

дителей, они поспешили лишь к своему поражению.

«Но уже (теперь, после поражения Игоря, в противоположность времени побед Романа и Мстислава), о князь Игорь! померк солнца свет, а дерево не к добру листву сронило: по Роси и по Суле города (русские) поделили (между собою половцы). А Игоревы храброго полка не воскресить (не вернуть дружины Игоря)! (Помнишь, князь Игорь, что ты говорил:) «Дон тебя, князь (Игорь), кличет и зовет князей на победу!» (Вот) ольговичи, храбрые князья, (и) поспели на брань».

Прервав этим лирическим отступлением свою просьбу к Роману Мстиславичу и его подручному князю Мстиславу и оставив ее без заключительного призыва встать на защиту Русской земли, автор «Слова» в следующем затем обращении вспоминает все же о Романе, хотя и не называя его по имени. Автор «Слова» обращается к Ингварю и Всеволоду — сыновьям Ярослава Изяславича Луцкого — и ко «всем трем Мстиславичам». Кто такие эти три Мстиславича? Обычное толкование видит в них все тех же сыновей Ярослава Изяславича Луцкого — Ингваря, Всеволода и их неназванного брата Мстислава. Но у Ярослава Изяславича было не трое сыновей, а четверо, и они не могли быть названы Мстиславичами по своему прадеду Мстиславу (в таком случае Мстиславичей бы оказалось среди князей слишком много). Здесь, несомненно, имеются в виду три брата — сыновья Мстислава Изяславича: Роман, обращение к которому было прервано выше и которого поэтому было уместно вновь вспомнить сейчас, Свя-

тослав и Всеволод¹. Вместе с Ингварем и Всеволодом Ярославичами они составляли всю группу волынских князей. Мстиславичи эти были по матери поляками. Вот почему отчасти автор в обращении к ним говорит: «Кое ваши златыи шеломы и сулицы ляцкыи (польские) и щиты?» Мстиславичи пользовались постоянной военной помощью со стороны Польши. Указывая на их мощь, автору «Слова» было важно подчеркнуть и это, т. е. поддержку их поляками.

«Ингварь (Ярославич) и Всеволод (Ярославич) и все трое Мстиславичей (Роман, Святослав и Всеволод), не худого гнезда соколы (не плохого вы выводка соколы), (но) не по праву побед расхитили (добыли) себе владения! Где же ваши золотые шлемы и копыа польские и щиты (на что употребляете вы ваше оружие)? Загородите (же) полю ворота (замкните русские границы со степью) своими острыми стрелами за землю Русскую, за раны Игоревы, буйного Святославича!»

Автор «Слова» в своем призыве к русским князьям начал с крайнего северо-востока — с обращения к Всеволоду Суздальскому, затем мысленно «перешел» на юг и обратился к Рюрику Ростиславичу, княжившему вблизи Киева, к его брату Давыду Ростиславичу, затем он обратился на запад — к Ярославу Галицкому. От Ярослава Галицкого он обратился к князьям волынским — северо-западнее Галича. Охватывая весь горизонт Русской земли и двигаясь в своих призывах «по солнцу» — слева направо, автор «Слова» перешел затем к крайнему северо-западу Руси — к князьям полоцким. Как раз в это время полоцкие

¹ Предположение о том, что под Мстиславичами подразумеваются сыновья Мстислава Изяславича, принадлежит покойному артисту МХАТа И. М. Кудрявцеву и было высказано

им в устной беседе. См. подробнее: «Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Сер. «Литературные памятники». М.—Л., 1950, с. 447.

Церковь Покрова на Нерли. 1165 г.

князя вели упорную борьбу с наседавшими с запада литовскими племенами. Автор «Слова» отмечает слабость полоцких князей в обороне собственных границ от литовцев. Поэтому, может быть, он не рискует отвлечь их от неотложных дел делами половецкими. Положение на границах Полоцкой земли с литовцами сравнивается с положением южных границ Руси с половцами: Сула (пограничная с половцами река на юге) и Двина (пограничная с литовцами река на западе) как бы превратились в болотистые речушки и уже не служат преградами для врагов Руси. С горечью отмечает автор «Слова», что один только Изяслав Василькович (князь, по летописям неизвестный) оказал сопротивление литовцам, но при этом сам потерпел поражение, уронив славу своего прародителя Всеслава Полоцкого.

«Уже ведь Сула (пограничная река на юге) не течет серебряными

струями для города Переяславля (не служит для него защитой), и Двина (пограничная река на северо-западе) болотом течет для тех грозных полочан (не служит защитой для жителей Полоцка), под (боевым) кликом поганых (т. е. язычников, литовцев). Один (только) Изяслав, сын Васильков, позвонил своими острыми мечами, (но) прибил славу деда своего Всеслава (потерпев поражение, погубил тем самым славу своего деда Всеслава Полоцкого, славу Полоцкого княжества), а сам под (своими) красными щитами на кровавой траве был прибит на (пролитую) кровь мечами литовскими (вместе) со своим любимцем, а тот и сказал: «Дружину твою, князь, птица (хищная, питающаяся трупами) крыльями приодела, а звери кровь (павших и раненых) полизали!» Не было тут (в этой битве) ни брата (его) Брячислава (Васильковича), ни другого (брата) Всеволода (Васильковича). Так, в одиночестве изронил (он) жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье. Уныли голоса, поникло веселие. Трубы трубят городские (в знак сдачи города)».

Описав бессилие полоцких князей принять участие в делах всей Руси, автор «Слова» призывает их хотя бы прекратить раздоры с другими русскими князьями. Полоцкие князья вели свое происхождение от Владимира и его жены Рогнеды — дочери полоцкого князя Роговолода, не состоявшего в родстве с остальными русскими князьями. По внуку этой Рогнеды — знаменитому Всеславу Полоцкому — автор «Слова» называет полоцких князей внуками Всеслава. Остальных же русских князей автор «Слова», как и летопись, называет внуками Ярослава, ярославичами. Призыв автора «Слова» обращен и к ярославичам и ко всеславичам. И те и другие потерпели поражение в своих междоусоб-

ных битвах: обе стороны лишились дедовской боевой славы, наводили на Русскую землю и на владения всеславичей язычников (половцев и литовцев).

«Ярославовы все внуки и Всеславовы (Всеслава Полоцкого)! Уже склоните стяги свои (в знак вашего поражения) и вложите (в ножны) свои поврежденные (в междоусобных битвах) мечи; ибо лишились вы славы ваших дедов; ибо вы своими крамолами стали наводить язычников на землю Русскую (на владения ярославичей), на достояние Всеслава (на владения полоцких князей). Из-за (вашей) усобицы ведь настало насилие от земли Половецкой!»

Призвав полоцких князей и всех русских князей прекратить губительную для обеих сторон вражду, автор «Слова» обращается к истокам этой вражды — к истории родоначальника полоцких князей Всеслава Брючиславича, — чтобы на примере его судьбы наглядно показать губительность усобиц. Повествование о Всеславе начинается с рассказа о том, как Всеслав в 1068 г., воспользовавшись восстанием киевлян, потребовавших у князя Изяслава оружие и коней, выбрался из заключения и захватил киевский стол, как вскоре затем ему пришлось ночью бежать от киевлян из Белгорода, как он очутился у Новгорода и затем у реки Немиги в Полоцком княжестве. Автор «Слова» подчеркивает, что Всеслав явился в Киеве напоследок языческих времен (Всеслав и в самом деле был связан в своей деятельности с последними представителями язычества на Руси) и отличался быстротою своих передвижений.

«На седьмом (на последнем) веке (языческого бога) Трояна (т. е. напоследок языческих времен) кинул

Всеслав жребий о девице ему милой (попытал счастья добиться Киева¹). Он хитростями оперся на коней (потребованных восставшими киевлянами) и скакнул (из подгороднего «поруба» — тюрьмы — наверх) к городу Киеву и коснулся древком (копья) золотого (княжеского) престола киевского (добыв его ненадолго, не по праву наследства и не «копием», т. е. не военной силой, а только древком копья, как в столкновениях между своими). Скакнув от них (от восставших киевлян, своих союзников) лютым зверем в полночь из Белгорода, объятый синей (ночной) мглою; поутру же вонзил секиры, отворил ворота Новгороду, расшиб славу (основоположника новгородских вольностей) Ярослава (Мудрого), скакнул волком до (реки) Немиги от Дудуток (под Новгородом)».

Затем автор кратко характеризует битву на Немиге около Минска, во время которой Всеслав потерпел жестокое поражение от трех братьев Ярославичей — Изяслава, Святослава и Всеволода. Характеристика этой битвы выдержана в образах народной поэзии. Битва противопоставлена мирному крестьянскому труду, чем вновь подчеркнута бессмысленность и разрушительность междоусобий.

«На Немиге (не мирно трудятся) снопы стелют из голов, молотят цепями булатными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были посеяны: посеяны костями русских сынов».

Далее автор «Слова» рассказывает о судьбе Всеслава. Его неприкаянная жизнь служит для автора «Слова» типичным примером беспокойной и пагуб-

¹ В средневековых представлениях города часто олицетворяются в образе девицы, жены или вдовы.

ной жизни князя, всю свою деятельность направившего на междоусобные ссоры с другими князьями, на поиски личной «чести» и «славы». С помощью характеристики князя Всеслава автор «Слова» предостерегает его потомков — полоцких всеславичей.

«Всеслав-князь людям суд правил, князьям города рядил (властвуя, следовательно, над судьбой и простых людей и князей), а сам (не имея пристанища) ночью (как тогда, когда бежал из Белгорода) волком рыскал: из Киева дорыскивал ранее (пения) петухов до Тмуторокани, великому Хорсу (богу солнца) волком путь перерыскивал (до восхода перебежал ему дорогу). Для него в (его престольном городе) Полоцке позвонили к заутрене рано у святой Софии в колокола, а он в Киеве (в заключении) звон (тот) слышал. Хоть и провидящая душа (была у него) в храбром теле, но часто (он) от бед страдал. Ему провидец Боян давно (еще) припевку, разумный, сказал: «Ни хитрому, ни умелому, ни птице умелой суда божьего не миновать!»

Как ни «горазд», следовательно, был Всеслав, но вся его неприкаянная жизнь была «судом и возмездием Божиим» за его усобицы. Судьба Всеслава наводит автора на размышления о судьбе всей Русской земли, терзаемой бесконечными усобицами многих таких же всеславов. Он вспоминает первых русских князей и первые годы Русского государства, вспоминает многочисленные походы Владимира I Святославича на внешних врагов Руси и противопоставляет им нынешнее положение Руси, когда даже братья — Рюрик и Давыд Ростиславичи — не смогли договориться о совместном выступлении против половцев.

«О, стонать Русской земле, помянув первые времена (еще до Всеслава

Полоцкого) и первых князей (очевидно, Олега, Игоря, Святослава и Владимира)! Того старого Владимира (Святославича) нельзя было пригвоздить к горам киевским (так часто он ходил в походы на недругов Русской земли); вот ведь (и) теперь (в 1185 г.) встали стяги (приготовившись к походу) Рюрика (Ростиславича), и другие (его брата) Давыда (Ростиславича), но врозь у них развеваются полотнища (нет между ними согласия). Копья поют (поют бросаемые копья; где-то, следовательно, воюют)!»

Забыты, следовательно, первые князья и их походы на врагов; теперь в походах нет между князьями согласия.

Тема княжеских несогласий закончена. Автор возвращается к повествованию об Игоре. Как бы высоко ни поднималась мысль автора — до осмысления общих судеб родины, он не может расстаться с читателем, не сообщив ему о судьбе героя своего повествования — Игоря Святославича. Широкая тема сменяется частной и личной, но и в этой личной теме явственно звучат ноты любви к родине. Тема личной судьбы Игоря вводится плачем о нем его жены Ярославны. Повествование становится лирическим: оно насыщено атмосферой народной лирической песни. И здесь (в плаче Ярославны), и в последующем широко вводится пейзаж, окружающий героя теплой атмосферой лирики. Но тема родины не отходит на второй план. Она присутствует и здесь, разрешаемая иными художественными средствами. Ярослава — русская женщина. Ее плач по мужу — плач русской женщины, жалеющей не только Игоря, но и его воинов, вспоминающей и славный поход Святослава Киевского против половцев. Природа, к которой обращается Ярослава, — русская природа; ее сочувствия ищет Ярослава. Плач Ярославны — русская на-

родная причеть. Тема родины предстает перед нами в заключительной части «Слова» как тема, интимно близкая всякому русскому человеку.

«На Дунаи Ярославнин голос слышится (голос Ярославны долетает до берегов Дуная — до крайних границ Руси), кукушкой безвестною рано (она) кукует:

«Полечу, — сказала, — кукушкой по Дунаю, омочу бобровый рукав в Каяле-реке, утру князю (Игорю) кровавые его раны на могучем его теле».

«Ярославна рано плачет в Путивле на забрале (на переходах в верхней части городской стены), приговаривая:

«О ветер, ветрило! зачем ты, господин, веешь наперекор (навстречу русским полкам)? Зачем мчишь хиновские (восточные) стрелочки на своих легких крыльицах на воинов моего милого (в битве на Каяле ветер дул на русских со стороны половцев)? Разве мало тебе было в вышине под облаками веять, лелея корабли на синем море? К чему, господин, мое веселье по ковылю ты развеял?»

«Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая:

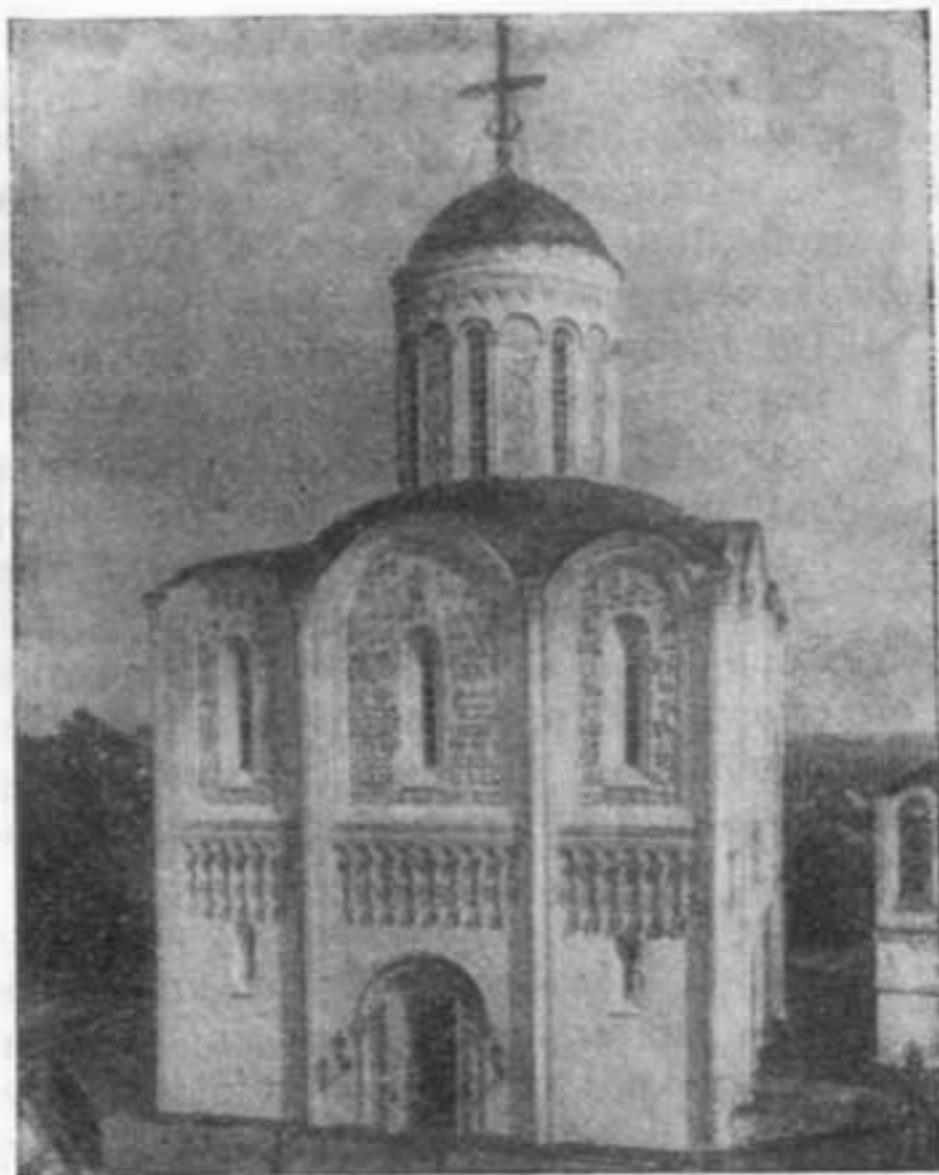
О Днепр Слоутич! Ты пробил каменные горы (в местах днепровских порогов) сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы (Святослава Всеволодовича Киевского) насады (суда с «насаженными», надшитыми бортами, на которых Святослав отправил свое войско в поход против половцев за год до похода Игоря) до стана Кобякова (до стана половецкого войска хана Кобяка). Прилелей (же), господин, ко мне моего милого, чтобы не слала я к нему рано слез на море (где в Приазовских степях, в становищах половцев находился в плену Игорь)».

«Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая:

«Светлое и трижды светлое солнце! Для всех ты тепло и прекрасно! К чему (же), господине, простерло (ты) горячие свои лучи на воинов моего милого? В поле безводном жаждою им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло? (воины Игоря жестоко страдали от жажды в трехдневном бою)».

Горе Ярославны находит, наконец, облегчение. Игорь бежит из плена. Природа помогает Игорю. Бегство Игоря рассказано в образах русских народных сказок.

«Прыснуло море в полуночи, идут смерчи облаками. Игорю-князю бог путь указывает (этими приметам) из земли Половецкой в землю Русскую к отчему золотому столу (в Чернигове). Погасли вечером зори. Игорь спит, Игорь бдит, Игорь мыслью поля мерит от великого Дона до малого Донца. Коня в полночь Овлур (или Лавр; по летописи, по видимому, крещеный половец, друг Игоря) свистнул за рекою, велит князю разуметь: князю Игорю не оставаться; (Овлур) кликнул, застучала земля (под копытами коней), зашумела (потревоженная) трава, вежи половецкие задвигались (половцы заметили бегство Игоря). А Игорь-князь поскакал горностаем к (прибрежному) тростнику и белым гоголем на воду. Вскочил (на той стороне реки) на борзого коня (приготовленного ему Овлуром «за рекою») и соскочил с него серым волком. И побежал к излучине Донца, и полетел соколом под облаками, избивая гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину. Когда Игорь соколом полетел, тогда Овлур волком побежал, стряхивая собою студеную росу: (оба) ведь надорвали своих борзых коней».

Дмитриевский собор во Владимире.
1193—1197 гг.

Река Донец вступает в разговор с Игорем. Этот разговор носит также народносказочные черты. Донец сочувствует русскому князю. Игорь в ответ благодарит Донец за помощь во время бегства. Он противопоставляет Донцу реку Стугну, в устье которой у Треполя в 1093 г., после поражения, нанесенного половцами, спасаясь бегством, утонул брат Мономаха — юный князь Ростислав.

«Донец сказал: «(О) князь Игорь, немало тебе величия, а Кончаку нелюбия и Русской земле веселия!»

«Игорь сказал (в ответ): «О Донец! немало тебе величия, лелеявшему князя (Игоря) на волнах, ставшему ему зеленую траву на своих серебряных (покрытых серебристыми меловыми отложениями) берегах, оде-

вавшему его теплыми туманами под сенью зеленого дерева; ты стерег его (Игоря) гоголем на воде (твой чуткий к приближению человека гоголь предупредил его об опасности), чайками на струях (твои чайки, поднимаясь при приближении человека с водных струй, предупреждали его о погоне), чернядами на ветрах (чуткими чернядами — нырковыми утками). Не такова-то, — говорит (он, князь Игорь), — река Стугна; мелкое течение имея, поглотив чужие ручьи и потоки, расширенная (благодаря этим «чужим», враждебным водам) к устью, юношу князя Ростислава заключила (она в себе). На темном берегу Днепра плачется мать Ростислава по юноше князе Ростиславе. (Тогда) уныли цветы от жалости, и дерево с тоскою к земле приклонилось».

Затем автор «Слова» описывает погоню за Игорем хана Гзак и хана Кончака. Природа сочувствует Игорю. Дятлы своим стуком в густых зарослях вокруг запрятанных в глубоких долинах рек указывают Игорю путь к рекам, где он мог спрятаться от погони.

«То не сороки застрекотали: по следу Игоря едут (разговаривая — «стрекоча») Гзак с Кончаком. Тогда вороны не граяли, галки примолкли, сороки не стрекотали, полозы (степные змеи) ползали только. Дятлы стуком (в зарослях речных долин) кажут путь к реке Игорю, да соловьи веселыми песнями рассвет возвешают».

Между ханом Гзаком и ханом Кончаком происходит спор, как поступить с сыном Игоря, оставшимся в плену.

«Говорит Гзак Кончаку: «Если сокол (Игорь) к гнезду летит, расстреляем соколенка (сына Игоря — Владимира) своими золочеными стрелами».

«Говорит Кончак Гзаку: «Если сокол к гнезду летит, то мы соколенка опутаем красною девицею (женем его на половчанке)».

«И сказал Гзак Кончаку: «Если опутаем его красною девицею, не будет у нас ни соколенка, ни красной девицы (оба уйдут на Русь), и станут нас птицы (соколы — русские) бить в степи Половецкой (станут русские вновь воевать против нас, если упустим заложника)».

Владимир, как известно, вернулся на Русь вместе с молодой женой — половчанкой. Автор «Слова» не мог этого не знать. Заканчивая воображаемый разговор хана Гзака и хана Кончака этими словами Гзака, автор «Слова», следовательно, как бы говорил, что ничто теперь не помешает «птицам» бить половцев в степи Половецкой.

После этого «Слово» переходит к радостной, полной веселья заключительной части. Князь Игорь нужен Русской земле, как телу нужна голова. Автор «Слова» говорит о приезде Игоря в Киев, о пении ему славы. Эту славу поют даже в отдаленных уголках Руси — в русских поселениях на Дунае, пение этой славы достигает Киева. Возвращению Игоря радуются и в сельских местностях, и в городах.

Автор провозглашает славу русским князьям — старым и молодым: Игорю, Всеволоду и Владимиру, также вернувшемуся из плена. Он провозглашает славу князьям и дружине, борющейся с врагами Русской земли.

«Сказали Боян и Ходына¹ — песнотворцы Святославовы (Святослава Ярославича, сына Ярослава Мудрого), старого времени Ярославова,

Олега-князя любимцы (любимцы сына этого Святослава Ярославича — Олега Святославича, «Гориславича»): «Тяжко голове без плеч, беда телу без головы, (так и) Русской земле без Игоря».

«Солнце светится на небе — (а) Игорь князь во (всей) Русской земле». (То русские) девицы поют (славу Игорю) на Дунае — (но и оттуда) выются голоса (их) через море до (самого) Киева.

«(То) Игорь (вернувшись из плена) идет (в Киеве) по Боричеву (подъему) к (церкви) святой богородицы Пирогошей. Села рады, города веселы (вся Русская земля, до далеких дунайских поселений, радуется возвращению Игоря).

«Певше песнь старым князьям, — потом и молодым (следует) петь: «Слава Игорю Святославичу, Буй Туру Всеволоду, (а также молодому князю) Владимиру Игоревичу!»

«(Будьте) здравы, князья и дружина, борясь за христиан против поганых (языческих) полков!

Князьям слава и дружине!

Аминь».

«Слово» заканчивается радостно и торжественно. «Слово» глубоко оптимистично по своей сущности. Рассказывая о трагических последствиях похода Игоря, оно зовет к действию, а не к пассивной скорби. Призывая к обороне, оно, в сущности, миролюбиво. Это призыв к защите труда простого населения всей великой Русской земли.

Чувство любви к родине в «Слове о полку Игореве», к страдающей и великой, могущественной и, одновременно, слабой Русской земле, как и всякое глубокое и искреннее чувство, бесконечно

¹ В первом издании «Слова о полку Игореве»: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣсноворца». Большинство исследователей чита-

ет это место так: «Рекъ Боянъ и Ходына», предлагая видеть в последнем еще одного певца времени Святослава.

Рельефы Дмитриевского собора во Владимире. 1193—1197 гг.

меняется, приобретает все новые и новые оттенки в сочетании с другими чувствами. Оно как бы пульсирует и трепещет, проходя своеобразный путь развития от своего возникновения в начале произведения к конфликту с действительностью и далее к оптимистическому разрешению сперва в общем волевом подъеме, а затем в лирическом умиротворении заключительной части. Чувство это соединяется то с болью за судьбу русского войска, то с раздумьем о прошлом Руси, то с ненавистью к ее врагам, то с лирической задушевностью плача Ярославны, то с радостью по поводу освобождения Игоря. Безысходное вначале, оно находит примиряющую ее мысль в конце. Композиция «Слова» подчиняется и логике мысли, и своеобразной логике чувств.

«Слово», как мы видели, начинается с колебаний автора, приступающего к теме своего произведения. Эти колебания

очень важны композиционно. Они вносят в начальную часть «Слова» чувство неуверенности, смутной, еще очень неявно ощущаемой сильной опасности.

Это неопределенно тревожное начало сменяется поэтической завязкой «Слова». Чувство тревоги, непрерывно возрастающая, находит конкретное объяснение: мужественная решимость Игоря выступить в поход, гордые речи его брата Всеволода Буй Тура сочетаются с картиной затмения солнца — зловещего предзнаменования, создающего ощущение какой-то обреченности. Небольшое русское войско отправляется навстречу неминуемой гибели. Тревожное чувство растет и захватывает всю природу: походом Игоря, сочувственно или враждебно, встревожены звери, птицы. Тревога ширится и распространяется к Волге, к Поморью, к Посулью, доходит до Сурожа, Корсуни и Тмуторокани. Горестно и лирично звучит прощание русского войска с родной землей: «О Русская земля! уже за шеломянемъ еси!»

Чувство тревоги, доведенное до высшего напряжения, сменяется тяжелым чувством скорби, мертвой, предгрозовой тишины, внезапно наступающей после тревожных звуков движущихся врагов, — скрипа их несмазанных телег, воя волков, лая лисиц и клекота орлов. Автор «Слова» описывает долго меркнувшую ночь, погасающую зарю, замолкающий щебет соловьев. Наступает утро, и вместе с утром приходят бодрые мотивы: русские побеждают в первой стычке с врагом.

Богатая добыча заглушает у воинов чувство тревоги, но оно не оставляет автора «Слова»: он размышляет о судьбе «Ольгова хороброго гнезда» — слишком далеко оно зашло в степь. Тревожное чувство вновь овладевает всей природой: кровавые зори и черные тучи, идущие от моря, подземные стуки и мутно текущие реки символизируют собой движение несметных сил половцев, но с приближением настоящей угрозы растет новая те-

ма — беззаветного мужества небольшого русского войска. Нет больше лирических размышлений о том, как далеко позади осталась Русская земля. Устрашающему клику «детей бесовых» русские с героической решимостью молчаливо противопоставляют сомкнутый строй своих червленых щитов.

Драматическое напряжение чувства достигает в этом месте «Слова» своей кульминации. Тема мужества полностью овладевает произведением. Оно воплощается в подвигах Всеволода Буй Тура. В пылу битвы, в боевом задоре забыто все: и мирные княжеские обязанности, и любимая жена — красавица Глебовна, ее «свычай и обычай».

Драматический конфликт воли к победе русских и неминуемости их поражения не может быть разрешен обычными средствами. Автор как бы не в состоянии сообщить своим читателям о поражении русских; и здесь закономерно, в силу логики самого развития чувств, возникает первое историческое отступление автора. Обращение к истории снова вводит лирическую тему, но тему лирики гражданственной. Автор вспоминает, какие были еще битвы на Руси, и останавливается по преимуществу на тех из них, которые были связаны с внутренними раздорами русских князей. Он обращается к родоначальнику ольговичей — Олегу Святославичу («Гориславичу») и, вспоминая о его битвах, вводит погребальные темы: на обезлюдившей земле редко были слышны покрикивания пахарей, но часто слышалось карканье воронов и говор галок над трупами павших людей.

Эти погребальные мотивы возвращают мысли автора к битве Игоревых полков. Горечь поражения, как и горечь утраты: в утрату и поражение трудно поверить. Автор «Слова» не верит тому, что он слышит сам — издали рано поутру с далекого поля битвы. Он как бы не может назвать то, что произошло, он

прибегает к частым иносказаниям: он говорит о разлуке братьев на берегу быстрой Каялы, об окончившемся пире, о нехватившем на этом пиру кровавом вине, описывает горе всей природы.

Мысль автора от погибших закономерно обращается к тем, кто остался в живых, как она обращается обычно и в народных плачах. Он говорит о несчастье, постигшем всю Русскую землю. Чувство нестерпимого горя заставляет его все время мысленно переноситься от погибших к оставшимся в живых и от живых снова к погибшим. Говоря о погибших, он вновь возвращается к теме далеко залетевшего «гнезда Ольгова», к безвременности и невозвратимости утраты («А Игореву храброго плъку не крѣсити!»). В этих сложных переборах чувств, обращенных то к мертвым, то к живым, постепенно побеждает тема живых, она сочетается с гражданскими мотивами. Снова мысль автора стремится осознать происшедшее в широких границах всей русской истории. На этот раз автор рисует поражение Игоря на фоне недавней победы Святослава. Он готов упрекнуть двух «храбрых Святославичей» — Игоря и Всеволода, своим безумием сведших на нет блестящую победу Святослава над половцами.

Воспоминание о победах Святослава направляет мысль автора к сердцу Русской земли, к Киеву, и заставляет его рассказать, как там, в Киеве, было получено известие о поражении Игоря. Этому известию предшествовали предчувствия самого Святослава. Сон разгадан: бояре сообщают Святославу о поражении. Тема поражения вновь предстает во всей своей силе. Гражданский пафос автора «Слова» растет. Автор рассказывает «золотое слово» Святослава, сказанное им по поводу поражения Игоря. «Золотое слово» Святослава постепенно переходит в обращение самого автора «Слова» ко всем русским князьям выступить в поход за Русскую землю, отомстить за пораже-

ние Игоря. Голос автора крепнет, мужает, обретает бодрость. В этом высоком гражданском подъеме находят разрешение все тяжелые переживания автора. Он уже не говорит о себе. Темы горя, скорби, тревоги все отступают и отходят в сторону перед всепобеждающей волей к победе, к требованию этой победы. Чувства автора отныне подчинены воле, он становится оратором в большей мере, чем лириком, он подчиняет чувства мысли, он подавляет в себе скорбь ради сознания долга и веры в лучшее будущее.

Это наиболее крупная часть «Слова», объединенная единым настроением, единой волей и мыслью.

Когда, таким образом, все чувства автора и читателей подчинены волевому началу, гражданскому долгу, наступает один из самых смелых и художественно оправданных переходов в «Слове»: в строй вступает наиболее личная и наиболее нежная и задушевная тема, глубоко народная и мягко печальная; в общем

хоре голосов выделяется мягкий и задушевный, лирический голос Ярославны. Нежный и лирический голос Ярославны несет с собой примирение чувствам, он смягчает горечь утрат и поражения. Скорбь Ярославны светлая, полная надежды. Плач Ярославны позволяет автору перейти к рассказу о судьбе Игоря; быстрый ритм бегства, погони предвещает радостный финал: Игорь в Киеве и народ поет славу Игорю, русским князьям и русской дружине.

Такова удивительная по своей музыкальной стройности логика поэтической композиции «Слова». Внешне, казалось бы, прерывистая и дробная композиция «Слова» внутренне, в своей эмоциональной сфере, поразительно цельна и последовательна. «Слово» раскрывается читателю как произведение, строго подчиненное законам поэтического развития темы. Это поэтическое развитие учитывает прежде всего смену чувств, но чувств, непосредственно связанных с мыслями автора, с его идеями.

